

— Боюсь, что это невозможно, — сказал Тан Шоу, хоть и симпатизировал братьям Хао за их прямоту. Но торговля есть торговля. Обувь — не то же самое, что зубной порошок. Порошок нужно класть в рот, и если за ним не стоит имя, богатые семьи пользоваться им опасаются — здоровье дороже. А обувь — вещь наглядная: тепло или нет, надеваешь — сразу ясно. Именно поэтому он не собирался отдавать ещё одно исключительное право на продажу.

К тому же модель развития, которую он задумал, заключалась вовсе не в создании фабрики с единичными дистрибьюторами, а в организации крупного оптового пункта, куда бы приезжали купцы со всех концов Поднебесной — и закупались на месте.

— Но если вы сможете доставить мне несколько повозок глиняных кирпичей, — продолжил он, — я могу подумать о том, чтобы этой зимой продавать обувь только в столицу и только вашей семье.

— Глиняные кирпичи? — Хао Чуньшэн с таким же недоумением взглянул на Тан Шоу, как когда-то Цзинь Цзиньчэн, впервые услышав этот запрос.

Тан Шоу не стал долго объяснять, а просто достал те самые чертежи сырцовых кирпичей, которые когда-то показывал Цзинь Цзиньчэну.

— Да, именно такие. Если доставите мне пять повозок сейчас и будете при каждом заказе привозить как минимум две — тогда эту зиму обувь на тысячеслойной подошве в столице я поставлю только вашей семье.

— А можно спросить, зачем Сюн-фулану нужны сырые кирпичи? — осторожно поинтересовался Хао Чуньшэн.

Тан Шоу лишь загадочно улыбнулся:

— У меня для них своё применение.

Хао Чуньшэн предположил, что дело не только в «полезности» — скорее всего, кирпичи нужны Тан Шоу для чего-то большого, важного. А раз так, тот и сам не скажет, и самому расспрашивать тоже нельзя — иначе выйдет, будто он выведывает чужие секреты.

— Ладно, договорились. Вернусь домой — пришлю вам пять повозок сырцовых кирпичей. Размеры, формы — у вас тут всё расписано подробно, не бойтесь, я ничего менять не стану.

— Сейчас у меня на руках есть сорок семь пар, — ответил Тан Шоу. — Отдам вам по сто тридцать вэней за пару.

Хао Чуньшэн нахмурился:

— Простые ватные сапоги стоят три-четыре десятка вэней за пару. А вы с меня хотите сто тридцать. Я же везу их издалека, всё равно буду наценивать. Не слишком ли дорого? Всё-таки это не кожа.

— Так дорого потому, что мои ватные сапоги и труда, и материалов требуют в разы больше, — спокойно объяснил Тан Шоу. — Смотрите, на ваших кожаных подошва — тоненькая, а у моих какая? Толстенная. На изготовление одной пары уходит в два-три раза больше времени, чем на обычную. Естественно, цена выше.

— Это верно, — кивнул Хао Чуньшэн. На ногах у него были именно такие сапоги, и он прекрасно чувствовал разницу: в этих мягко, удобно, подошва не жмёт, по земле ходить — словно по хлопку. Раз так, цена и правда справедливая.

— Ладно, беру все, — решительно сказал он.

Изначально они собирались закупать зубные благовония, товар дорогой, поэтому и денег с собой братья привезли немало. А теперь, когда дело повернулось к покупке обуви, да ещё и по более низкой цене, платить стало и вовсе не проблема.

В общей сложности на руках у Тан Шао было чуть больше пяти лян серебра — на покупку кожи этого было явно недостаточно. Почти всё, что удалось выручить с продажи зубного порошка, ушло на закупку специй, остальное — на вату и материалы для обуви, а то, что осталось, потратили на уголь. Ни одна из этих вещей дешёвой не было, и деньги с прошлой партии зубного порошка давно улетучились.

А Тан Шоу всё ещё мечтал купить выделанную шкуру — ведь кожаные сапоги и хлопковые всё же относятся к разным классам.

Глаза у Тан Шоу закрутились — заметно, как зашевелились мысли. Он уставился на Хао Чуньшэна так пристально, что того чуть передёрнуло от этого взгляда.

Тан Шоу тут же расплылся в улыбке — тёплой, как весеннее солнце:

— Мы тут ещё хотим делать кожаные сапоги с многослойной подошвой... Не знаю, уважаемый Хао... — он чуть было не выдал привычное «Брат Хао», но в последний миг прикусил язык и бросил быстрый взгляд на Сюн Чжуаншаня. Убедившись, что тот остался доволен его осмотрительностью, продолжил: — Хао-гунцзы, не хотите ли заказать и кожаную обувь? Правда, кожа — материал дорогой, так что, если вы решите взять, нужно будет внести задаток.

Кожаная обувь! Да ведь её можно предлагать знатным и богатым родам! Хао Чуньшэн сразу согласился. Всё-таки кожа — это другой уровень, и цена у нее соответствующая.

Тан Шоу, немного подумав, установил задаток в двадцать лян серебра, пообещав при

необходимости сделать перерасчёт.

К счастью, у Сюн Чжуаншаня были отложены личные сбережения — он добавил ещё пятнадцать лян, и только так им удалось купить одну цельную шкуру.

Кожа сама по себе товар дорогой, а уж в зимнее время — тем более: спрос на неё только растёт, все стремятся купить, а предложений едва хватает.

Эту шкуру Сюн Чжуаншань нашёл не сразу — обошёл множество охотников и лавок, прежде чем разыскал её в соседнем уезде. Почему она вообще осталась в продаже? Потому что в самой середине шкуры зияла дыра — во время охоты зверь был ранен неудачно, и кожа оказалась испорченной. Из-за этого она не годилась для крупных изделий, но мех и само качество обработки были неплохие. Хозяин лавки не желал скидывать цену, так товар и залежался — пока Сюн Чжуаншань не купил его.

А для обуви всё равно приходилось кроить, потому наличие отверстия было вовсе не помехой. Даже наоборот — в самый раз. Из этой шкуры изготовили несколько пар кожаных ботинок с многослойной подошвой. Себестоимость одной такой пары составила пять лян и восемьсот вэней. Были сшиты и три пары кожаных сапог — их себестоимость получилась ещё выше: по тринадцать лян и четыреста вэней за пару.

Из-за этой партии кожаной обуви братья Хао решили пока не уезжать и остались жить в деревне Синьхуа. Но комнат в доме семьи Сюн было мало — всех гостей не разместить. Тогда они попросили Тан Шоу помочь найти приличный дом, где можно остановиться на несколько дней.

Тан Шоу сразу подумал о семье Чжэн. Они жили у самого въезда в деревню, дом был большой, а главное — когда-то, в тяжёлую пору, именно братья Чжэн первыми помогли, когда Сюн Чжуаншань получил ранения, и привели его домой. Этот долг Тан Шоу хранил в памяти и давно искал повод его вернуть.

Братья Хао, судя по всему, пробудут в деревне не меньше десяти дней. А для крестьянских хозяйств даже несколько вэней за постой — уже приятный доход, никто не сочтёт это лишним.

Сюн Чжуаншань привёл гостей к дому Чжэн и объяснил, в чём дело. Те только обрадовались, благодарили без умолку и с большой радостью пригласили всех войти в дом.

— Чжэн-далан, эти люди — мои гости, — спокойно сказал Сюн Чжуаншань. — У меня они останавливаются по одному вэню за ночь с каждого. Хотел бы, чтобы и здесь было так же — чтобы потом не вышло недопонимания.

Братья Хао приехали сюда вчетвером, и если за простой ночлег без особых хлопот можно получить четыре вэня в день, кто же откажется? Люди из семьи Чжэн сразу закивали, не скрывая радости:

— Конечно, конечно, как скажет Сюн-эрлан, так и будет.

Чжэн-далан повёл гостей в дом. Чтобы попасть в гостевую комнату, нужно было пройти мимо кухни. Ещё не дойдя до неё, они услышали оттуда глухие звуки — бам-бам, как будто кто-то что-то колотил.

И тут раздался звонкий детский голос:

— Бабушка, если вы устали стучать, давайте я! Пан-Пан тоже умеет! — и снова раздалось бам-бам, ритмичное и старательное.

Когда они поравнялись с кухонным проёмом, Сюн Чжуаншань машинально заглянул внутрь — и увидел две фигуры: одна — согбенная, старческая, другая — крохотная, совсем ребёнок.

Малышу было не больше четырёх-пяти лет, он сидел на корточках у печки и изо всех сил стучал по подошве обуви тяжёлым молотом — молотом, что был толще и длиннее его собственной ручки.

— Это бабушка Чжан и её маленький внук-шуаньэр, — объяснил Чжэн-далан, заметив взгляд Сюн Чжуаншаня. — Они ведь у тебя подошвы берут? У них дома слишком холодно, как только намочат подошвы — они тут же мёрзнут и дубеют, ничего сделать нельзя. Пришли к нам, сказали, что хотят обрабатывать подошвы тут. Мы взяли с них символическую плату за топливо — один вэнь за два дня. Честно говоря, так и не покрываем расходы, и не слишком удобно, но что с них взять... Такая жалость, мои родители смилостивились, решили приютить.

Пока он говорил, будто бы невзначай наблюдал за выражением лица Сюн Чжуаншаня.

По деревне уже давно пошёл слух: якобы бабушка Чжан сначала хотела работать у семьи Сюн — заниматься подшивкой краёв обуви. Но у неё с глазами плохо, шов у неё шёл криво, и вещи были попросту непригодны. Тогда, говорят, семья Сюн, пожалев её, дала ей работу по утрамбовке подошв. Хоть в доме Сюн эту историю и старались скрывать, но в деревне язык за зубами не держат — всё быстро разнеслось.

Семья Чжэн, если честно, сначала в это не поверила. Всё-таки Сюн Чжуаншань жил в деревне уже четыре года, какой он человек — всем известно. Вспыльчив, суров, и если уж разозлится, не посмотрит ни на возраст, ни на пол — даст как следует, и всё тут. Но потом бабушка Чжан и впрямь пришла за помощью, и Чжэны поняли — в слухах была правда.

А Сюн Чжуаншань никак на слова Чжэн-далана не отреагировал. Лицо оставалось каменным, будто ничего и не слышал, и даже не повернул головы.

Он проводил братьев Хао до места, дал осмотреться — те остались довольны, возражений не имелось. Тогда Сюн Чжуаншань молча развернулся и отправился обратно домой.

Вернувшись домой, Сюн Чжуаншань не стал терять времени — пошёл во двор, к маленькому сарайчику, где у них хранились обрезки и запас дерева. Обычно он складывал туда доски и бруски, которые хотел использовать позже для поделок или мелкого ремонта, но пока не находил им применения.

Он долго копался, пока наконец не нашёл подходящий обрубок — короткий, но толстый. Удовлетворённый находкой, вынес его наружу и начал обтачивать, придавая форму.

Тан Шоу стоял у двери, прислонившись к косяку, и с любопытством спросил:

— Такой маленький... ты что с ним собираешься делать?

Сюн Чжуаншань рассказал, как в доме семьи Чжэн увидел бабушку Чжан с её маленьким внуком, который помогал трамбовать подошвы.

— Этот обрубок как раз подойдёт для детского молотка, — объяснил он. — Лёгкий, удобно держать, можно будет чередоваться — и ребёнку хватит сил, и бабушке подмога.

Внуку бабушки Чжан всего-то четыре года. В семье с чуть более сносными условиями в этом возрасте он бы разве что бегал по двору, играл в палки, да выпрашивал у взрослых вкусности. Но он уже помогал своей бабушке, делал, что мог. И в этом, по мнению Сюн Чжуаншаня, не было ничего предосудительного.

— Люди рождаются в разных условиях, — негромко сказал он, продолжая точить дерево. — И каждый должен нести свою ношу. Не нужно спрашивать, справедлива ли судьба — нужно в первую очередь уметь её нести. Пусть ему всего четыре года, но он уже должен понимать: их дом — не как у других. У них нельзя просто так жить вольно и бездумно.

Тан Шоу замер и уставился на Сюн Чжуаншаня. В этот миг этот мужчина казался ему высоким не только своим мощным телом, но и всей своей сутью, своим образом.

Может, он и не был в привычном понимании "добродетельным человеком", каким того требует общественная мораль, но он был тем, кто не обманывает ни небо, ни землю, ни собственного сердца. Настоящий человек — прямой, честный, крепкий.

А тем временем в столице, в магазине семьи Цзинь, толпа людей кишела как в праздники. Шум стоял оглушительный, не протолкнуться. Обычные сдержанные, благовоспитанные молодые дамы и утончённые юноши, которых обычно можно было видеть лишь при полном достоинстве и приличиях, теперь толкались у входа, кричали и махали руками, напрочь забыв о своей изысканной наружности.

Из гущи толпы, весь перекошенный и растрёпанный, с трудом вырвался один мальчишка-слуга, но по пути умудрился потерять башмак. Никто на это даже внимания не обратил. Он прижимал к груди два крохотных ящичка, как если бы в них лежали редчайшие сокровища, и, прихрамывая, со всей прытью кинулся к своему юному господину, восторженно закричав:

— Господин! Господин! Я успел, я добыл одну коробку «Цзюньцзы»! Сегодня в продаже было всего пять — и мне удалось вырвать одну!

Слова его, будто пропитанные кровью, сразу привлекли десятки жадных взглядов. Те, чьи слуги ещё не вернулись, или вернулись с пустыми руками, обернулись с настоящей завистью. Их глаза сверкнули яростью и жадностью, словно эти двое — господин и слуга — были не людьми, а ходячими кусками мяса, готовыми к съедению.

Увидев, какие взгляды бросают окружающие, юный господин испугался не на шутку — мигом зажал рот своему слуге и, схватив его за шиворот, потащил к своей карете.

Только когда они заперлись в экипаже, отгородившись от злобных, чуть ли не людоедских глаз, молодой господин осмелел и с поспешностью выхватил коробочку с зубным благовонием у своего слуги, чтобы рассмотреть поближе.

На крышке коробки были вырезаны несколько веток распутившегося персикового дерева — всего пара изящных штрихов, далеко не сплошная гравировка, но перед глазами будто оживал целый цветущий сад, густые ветви, пышные бутоны, сияющие живым светом. Сбоку виднелись выгравированные торговый знак Таохуаюань и иероглифы Цзюньцзы — «Благородный муж». Надпись была вырезана с такой твёрдостью, с такой внутренней силой, что даже юный господин, представитель знатной семьи, воспитанный в лучших традициях каллиграфии, не мог не признать — эти иероглифы написаны отменно. Лишь одни эти знаки уже делали изделие по-настоящему достойным.

Он приоткрыл коробочку и вдохнул аромат. Аромат был насыщенный, богатый, но совсем не резкий — напротив, мягкий, с лёгкой, едва уловимой сладостью. Неудивительно, что как только этот зубной порошок появился в продаже, люди начали за него сражаться буквально не на жизнь, а на смерть.

Юный господин, всё ещё находясь под очарованием этого изысканного аромата, был внезапно выдернут из грёз — его слуга вдруг громко заголосил. Господин недовольно нахмурился и зыркнул на него, затем аккуратно закрыл крышку коробочки и вполголоса пожурил:

— Что орёшь? То, что ты сейчас сидишь со мной в одной карете — это потому, что ты сегодня отличился. Запомни: дорожи этим шансом, как следует.

Конечно, у них была карета, но в каком ещё доме позволено, чтобы лакей сидел с господином в одном экипаже? В обычный день слуга бы с ума от счастья сошёл — такой шанс! Потом бы по всей округе распускал хвост, исходя радужным пердежом. Но только не сейчас.

С лицом полным уныния он вытянул вперёд ногу — босую, без обуви, но хоть носок остался — и жалобным голосом простонал:

— У меня ботинок в толпе потерялся... Надо вернуться — поискать.

— А чего сразу не нашёл? — сердито фыркнул юный господин.

Слуга вздохнул и с укором взглянул на него:

— Да если бы я тогда побежал за башмаком, вы бы свой «Цзюньцзы» не увидели! Вы не представляете, сколько народу за ним гналось! Если бы не моя сообразительность... — он понизил голос и заговорщицки добавил: — Я увидел, как двое сцепились из-за коробки, дрались как звери, а сам тихонько выхватил и побежал на кассу, расплатился — и только тогда выскочил.

— Что?! — возопил молодой господин. — Ты украл?!

— Нет-нет! — поспешно замахал руками слуга. — Не украл в прямом смысле! Я же говорю — деньги заплатил! Просто... ну, они подрались и забыли о коробке. А я подсуетился, забрал и оплатил. Но потом, когда выбегал, кто-то попытался вырвать коробку у меня — я её прижал к груди, а меня толпа сбила, ботинок и слетел. Я, конечно, не стал его искать — вдруг бы и коробку потерял. А если бы ещё меня самого утащили... так и я, и зубное благовоние сгнули бы!

Юный господин ничуть не сомневался в словах своего слуги — ни капельки преувеличения. Достаточно было вспомнить, как на праздники в городских лавках старики и старушки врывались на распродажи — там бы и профессиональный воин уступил. Стоило представить эту давку, как волосы на затылке начинали вставать дыбом.

— Что благовоние точно бы у тебя отобрали — верю, — фыркнул юный господин. — А вот насчёт тебя самого... тц, тц...

— Господин! — возмущённо воскликнул слуга. — Я, между прочим, с жизнью рисковал, чтобы принести вам Цзюньцзы! А вы вот так!

Молодой господин, глядя на измученное лицо своего слуги, наконец-то внутренне испытал укол совести.

— Ладно уж, ладно. За обувь я тебе заплачу, купишь себе новую пару. А то, не дай бог, тебя ещё правда похитят, и мне придётся выкупать тебя зубным благовонием... а ты, между прочим, не стоишь столько, сколько стоит Цзюньцзы.

— Господин...

По слухам, семья Цзинь привезла из деревни Синьхуа всего несколько десятков коробок зубного благовония. Прибыв в столицу, они сразу же раздали двадцать с лишним — оставалось около пятидесяти. А теперь подумайте: столица огромна, богачей — не счесть, сколько же это на всех? Ясное дело — катастрофически мало.

А семья Цзинь, как назло, оказалась ещё и настоящими злыднями — не стали распродавать всё сразу, а устроили «ограниченный выпуск»: каждый день по одной коробке «Дыхание — как аромат орхидеи», по три-пять «Цзюньцзы», и ещё семь-восемь коробок Циньсинь («Свежесть»). Всего-то десяток с лишним в день! Как этого может быть достаточно?

Да и это не всё — ввели ещё одно правило: в одни руки — не больше двух коробок. Вот и бегают теперь слуги знатных семей с рассвета, занимают очередь у дверей магазина. И хоть сперва договаривались, что кто первый пришёл — тому и товар, но стоило открыться дверям, как очередь переставала существовать: начиналась настоящая мясорубка. Никто никого не щадил — просто набрасывались, и если ты не успел — всё, зубного благовония уже нет.

Так что когда юный господин сказал, что его слуга сейчас «даже не стоит столько, сколько зубные благовония», это вовсе не было унижением — а чистая правда.

Зубной порошок в столице уже дошёл до стадии, когда у него есть цена, но нет товара. Тот, у кого он есть, может диктовать условия. Даже те две коробки, что сейчас были у него в руках, если захотеть — можно было продать втрое дороже, и это при том, что очередь на покупку выстроится мгновенно.

<http://bllate.org/book/13592/1205365>